

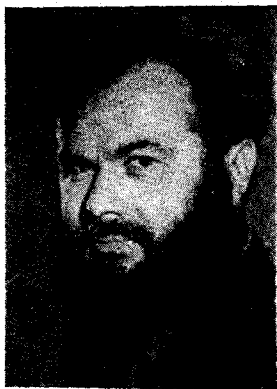
Виктор КОРОТАЕВ

ЛИПОВИЦА

Стихи

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969

Виктор Коротаев — уроженец Вологды. Здесь он окончил историко-филологический факультет педагогического института. После службы в армии В. Коротаев по-прежнему живет и работает в родном городе.

«Липовица» — четвертая книга поэта. Как и предыдущие сборники, она проникнута любовью к родному Северу, к своим землякам.

РОДСТВО

ЛИПОВИЦА

Лирическая поэма

1

К родному дому топаю по пыли,
Со всех сторон облаянный опять.
Меня собаки старые забыли
А молодяжкам неоткуда знать.
Порог оброс могучею крапивой,
В ней нынче свой гарем пасет петух.
А дом стоит. Целехонек на диво.
Все сохранилось, лишь очаг потух.
Сосед рукою машет из окошка:
«Входи, мы закруглили сенокос.
Все на столе: и грузди, и картошка,
Пора цеплять к закуске паровоз».
Но нет охоты прежней веселиться
И, вскинувшись, бежать на первый крик.
Мне лучше там, где вечно копошится
С потрепанною упряжью
Старик.
«Что, потянуло к липовицкой травке?
Старуха, нацеди-ко нам кваску,
Нашарь да вынь остаток из-под лавки
Да вышпарь прошлогоднюю треску».
Он все чудит:
«А мы живем не худо,
По пьянке сын острижен догола.

Медвежий угол вот.
А и досюда
Как видишь, мода новая дошла».
И долго смотрит он при свете солнца
На огороды в прутьях лебеды
И снова — на протухшие колодцы,
Где десять лет не черпали воды,
Где, слушая вздыхающие деревца,
Оставленные избы и сейчас,
Как раненые в клиниках надеются
И ждут, когда повязку снимут с глаз.
«А ты, отец, погрел бы гостя в бане, —
Старуха из угла отозвалась. —
Да у него, поди-ко, и в стакане
За разговором плесень завелась».
Все это помню, кажется, с пеленок:
И бабушку, и баньку у реки,
Потрескиванье каменки каленой
И веника чистового шлепки.
Старик, что паровик перегруженный,
Попыхивает, лежа на досках:
«Вот даже пар какой-то стал тяжелый,
А ведь кваску на каменку плескал».
И голосом раздумчивым и хриплым:
«А как, бывало, парилось в страду,
Когда еще для Липовицы
Липы
Настаивали воздух на меду.
Вокруг деревни людной — ты подумай —
Они цвели во всей своей красе...
Никто не слышал их ночного шума,
Зато дыханье чувствовали все».
А мне давно не терпится услышать
Однажды упомянутую вскользь
Историю, которая здесь вышла
Понять, с чего тут дело началось

Когда-то мужики — не без умишка —
Примерясь,
На последние рубли
Срубили у болота три домишка
И Липовицей славно нарекли.
Дышало лето зноем и покоем,
И паренек смотрел во все глаза,
Как ласточка кружилась за рекою
И над водой висела стрекоза.
А мужики, в подзол пуская корни,
Морошковые дни хвалили всласть:
«Не будет хлеба —
Ягода прокормит.
И речка с лесом
Не дадут пропасть».
Не зря трещали подлые сороки:
Катились грозовые к сердцу сроки,
И, вытерев испарину на лбу,
Перекурить усевшись на пороге,
Те плотники деревне,
Как пророки,
Предсказывали точную судьбу.
Война сусеки выметет до крошки,
И вновь для голодающих ребят
Спасительные ягоды морошки,
Как солнышки,
Болота озарят.
Уйдет с овсом последняя подвода,
Последняя кобыла рухнет в грязь,
Но не позволит русская природа
Родимым людям с голоду пропасть.
Она усыплет ягодой пригорки,
Она посадит — вся протест и бунт —
На каждую березу — по тетерке,

Под каждую осину — по грибу.
А липы, видя маянье народа,
Равнясь на его голодный труд,
Последнюю — с горчинкой — каплю меда
Пчеле мобилизованной сдадут.
И Липовица в яростном усилье
Закусит, изнуренная, губу
И как всегда,
По-честному с Россией
Картошину разделит и судьбу
И над ее кладбищами, не мята,
Качаться будет скорбная трава,
А в сорок пятом

и ее солдатам

Отсалютует майская Москва.
Придут иные беды и заботы,
И грязи будет выше голенищ.
Но жарким хмелем пахнущие соты
Покроют горький запах пепелищ
И поплывут, густея и тревожа.
Но вскорости в соседних поясах
Понадобится будто бы рогожа,
И липы постареют на глазах.
А небеса качнувшиеся охнут,
Надломится осока над ручьем.
Ободранные липы быстро сохнут
И больше не притягивают пчел.
Но все ж, дыша безгрешно и целебно,
Каким-то чудом тех далеких пор
Единственная липка уцелеет,
Как память, как надежда и укор.
Она за всех одна, в ветвях разлапых
Цветы, как драгоценность, затая,
Поддерживать возьметсся добрый запах
Недавнего покоя и житья.
И, умываясь росами с восходом,

Она не будет долго понимать,
В июне исходя тоской и медом,
Что ульез стало
Некому держать.

3

Молчали мы.
Внизу река шумела
И пенилась. Как будто повесть ту
Пересказать по-своему хотела —
Уже с веселым камушком во рту.
Но вот старик, вздохнувши грудью хилой,
Надумал что-то выразить, кажись:
«Немало мне потребовалось силы,
Чтобы прожить на этом свете жизнь».
И больше не пошевелил губами,
А только бросил около ворот:
«Ты не ложись на сено после бани,
Боюсь, что ночью
Иней упадет».
Но за окном то выл холодный ветер,
То плакал, то насвистывал в кулак.
Я слышал, как в стекло скребутся ветви
И вглядывался долго в полумрак,
А утром я не мог сдержать улыбки,
Поняв, что это шумно и давно
Три тонкие молоденькие липки
Заглядывают в низкое окно.
Старик не разделил моих восторгов,
Но, чуя мой неспящий интерес,
Он посмотрел внимательно и строго
И приказал мне собираться в лес.
От взглядов и больших путей в сторонке,
От ручейка лесного невдали
Две младшие беспечные сестренки
Моих знакомиц утренних росли.

Старик увидел их и словно ожил:
«Я приглядел давно уж, но пока
До времени красавиц не тревожу,
Хочу, чтоб прижились наверняка.
Дождусь, когда начнут сезон на белок
И градус твердо двинется к нулю.
Ты что их заобсматривал, как девок?
Уж больно поглянулись — уступлю.
Посадим под передние окошка.
Глядишь, и станет — смолоду близка —
К порогу позаметнее дорожка,
А в сердце поизбывнее тоска».
Стояло небо осени над нами,
Какой-то жук по корню проползал.
Старик не очень ладил со словами
И главное — глазами досказал:
«Нельзя, чтоб затянуло память мглою.
Смотрите, жутко будет в кой-то час
Родством гордиться с дедовской землею,
Когда она совсем забудет вас».

4

Не бойся, не тревожься, старый конюх,
Оставшийся на тихом берегу.
Я заповедь твою не просто помню —
Теперь уже не помнить не могу.

* * *

Потому ли, что снова в деревне,
Где мы выжили с бабкой в войну,
Но под сумрачный шелот деревьев
Я сегодня никак не усну.

Мне припомнятся давние были,
Как мы в избах нетопленных жили,
Как кормились в июле морошкой,
А зимою, неся общий крест,
Ели с мохом болотным лепешки
Что теперь и скотина не ест.

Я проснусь в нашем стареньком доме
На рассвете погожего дня,
Где хозяин, всего лишь знакомый,
Как родной, принимает меня.

За столом с наслажденьем великим
В том углу, где не стало икон,
Буду есть пироги с голубикой,
Запивая парным молоком.

И задумаюсь, чем этот блеклый
Так мне мил косогор и земля,
С любопытством глядящие в окна
Добродушные морды телят,

Это небо, где ласточки реют,
Это полюшко с редким овсом...
Мы обычно с годами добреем,
Снисходительней смотрим на все.

Или — вспомнив свое пепелище,
Побывав у родного крыльца
Вдруг становятся легче и чище —
Благодарнее наши сердца.

Проявляя о старших заботу,
Бабку с клюшкой вожу по болоту.
Голубики — не выбрать вовек,
Но со мной пожилой человек.

«Разве эстолько прежде бывало.
И похожего нету давно.
Мы приходим одинава с Павлой,
А в глазах-то от ягод синё.

До полудня сгибать поясницу —
Что нам было тогда, молодым.
Знай в корзину брусним голубицу,
Будто дома корову доим.

Поносили подарков соседке,
Напоследок потешили мать...
А теперешних ягод от ветки
Без упору нельзя оторвать»

Я давно со старушкой не спорю,
Я сочувствую вечному горю:
Не поднимешь побитую рожь,
Прежней молодости не вернешь.

Я в ответ головою киваю,
Увожу ее молча домой,

Потому что давно понимаю:
То же будет потом и со мной.

Заживу я в согласьи со всеми,
У погожих деньков под крылом,
Но, бытуя и в лучшее время,
Буду вечно вздыхать о своем.

Сидят на горках, будто на мели.
И словно ждут: вот-вот взиграют волны
И всем неверьям злым наперекор,
Вода ударит в дно.
А ветер вольный
Их унесет в синеющий простор.

НАДЕЖДА

Светло и по-своему нежно
Родителем, жившим бедно,
Высокое имя Надежда
Тебе со значеньем дано.

А имя само,

терпеливо

Сквозь ветры столетья гребя,
Быть в мире суровом
Счастливой

Уже обязало тебя.

Ты девочкой сидя прилежно
Над книгами долгие дни,
Давно оправдала надежды
И школы своей и родни.

Но люди, что верят не в чудо,
А в добрый характер и стать
С годами

все большего будут

Теперь от тебя ожидать.

Ведь сердцем народным удержан

Поверья далекого свет,

Что вещее слово надежда

С любовью и верой в родстве.

Готовясь к неделькам горячим,

Запомни, пойми и поверь,

Что личными быть неудачи

Твои перестали теперь.

И первым, уняв оробелость,
Утешит и выручит тот,
Кто рядом, светясь и надеясь,
Сегодня с тобою идет.
Идет с молодой и красивой,
Идет и не знает того,
Что рядом

надежда России.

А может —

и мира всего.

КЛУБ

Сюда толпою и по парочкам
Под флагом гзрусной зари
Приходят скромные доярочки
И разбитные косари.
Девчонки у киноначальника
Выспрашивают лишь одно:
Веселое или печальное
Привез он в этот раз кино?
А тот глядит на сверстниц ласково,
Ответ его всегда готов:
«Мол, есть про сельское хозяйство, ну
И, есть конечно, про любовь».
И хорошо устроен, плохо ли
Сеанс для дальних поселян —
Девчонки ахают и охают,
Прилежно глядя на экран.
А только кончится картина,
Скамейки — больше не нужны —
Раздвинутые со середины,
Покорно лягут вдоль стены.
И в вальсе медленном дезчонки,
Повременив пяток минут,
В ошеломляющих прическах
Неторопливо полльвут.
А парни, балагуря громко,
Уже на улице дурят,
Наперебой терзают хромку,

Косясь в окошко на девчат.
Но те парней не замечают,
И головы не повернут,
Хотя губами и плечами
Их помнят, чувствуют и ждут.
И нам, в свои края влюбленным,
С годами хочется втрое,
Чтоб вечно полыхать гармониям
На вологодской стороне,
Греть без передышки танцам,
Пока не встали петухи,
Девчатам петь,
парням смеяться,
И нам —
писать для них стихи.

ЧАЙНАЯ

Тряхнули дверь — и сразу щель
В стене общественного зданья.
Мы со среды не ели щей,
Простите наше воспитанье.
«Хозяйка, супу и вина.
Верней, вина, а после супу.
Теперь позвольте, старина,
Поближе к вашему тулупу».
Хозяйка ценит аппетит,
Хозяйка кормит до отвала.
В стаканы светлые глядит:
«Я вам другого наливала».
«Да, было красное вино,
Но цвет его сменился малость:
Пока мы чавкали,
Оно
Со скуки, видно, отстоялось».
Красноречивый взгляд и вздох
И жест прошающе-усталый.
Не терпит тетя выпивох,
Но обожает зубоскалов.
Ну, что ж, спасибо за приют.
Пускай не киснут ваши сливки,
Клиенты каждый день идут,
А каждый месяц — прогрессивки.
Вы удивительны лицом
И вашим голосом с растяжкой,

Но все же бутерброд с яйцом
Нелеп, как бутерброд с ромашкой.
Но вот закончился расчет.
Хозяйка, словно по ошибке,
С бренчащей медью отдает
Глухое серебро улыбки.
Теперь осталось сдачу взять
Без лишних слов, как подобает.
И в книгу жалоб записать,
Что лучше чайных не бывает.

ПОСЛЕ БАНИ

Вот-вот от пару вылетит оконце.
Вот-вот от жару вспыхнут волоса.
Того гляди, иль каменка взорвется,
Иль крыша улетит под небеса.
Но мы из пекла этого выходим,
Рубах не в состояньи застегнуть,
Немного очумевшие

и, вроде,

К тому же обалдевшие чуть-чуть.
А дома бабы тешатся, проныры,
Им дело есть всегда и до всего:
«Да все ли хорошенько-то промыли,
Да в спешке не забыли ли чего?»
Но вот и чай.

Придя в себя немного,
Мы на хозяек весело глядим:
«Мол, чай-то чаем.

Но закон у бога
Для всех по омовению —

един...»

Встречаем молчаливую преграду.
Пусть мало нас, но каждый — удалец,
Тем более, мы боремся за правду,
И правда торжествует наконец.
Сперва идут хозяйственные темы,
Но через час — матерые умы —

Любые философские проблемы,
Как семечки, расщелкиваем мы.
Открыв, что восемь пятниц на неделе
И в доме утвердив былую власть,
Мы плюхаемся в чистые постели
И чувствуем, что баня
Удалась.

* * *

Сидели бабы на скамейках
Вокруг широкого стола
И обсуждали помаленьку
Свои колхозные дела.
Качали головами: «Плохо
Покошено у нас.
Дожди.

А ведь от господ-то бога
Зимою помощи не жди...
Нам молодого бы народа,
Но кто поедет,

коли тут

Всегда с затяжкой на два года
Картины новые идут.
Вот говорим: народу нам бы
Да с молодым бы огоньком,
А керосиновые лампы
Еще висят под потолком».
И в эту самую минуту,
За перерыв набравшись сил,
В углу хрипящий репродуктор
Неторопливо забасил
О том, что проводила в космос
Посланца нового Москва
И Левитан приподнял голос,
Роняя вечные слова.
И бабы смолкли перед ними.

Неловко, вроде, стало им
Трястись с обидами своими
Перед величием таким.
Но старый дед, сопящий с ночи
На облюбванной печи,
Их в политической и прочей
Незрелости
не уличил.

* * *

О чем печалится природа,
Когда бушует непогода?
О чем горюнится ольха,
Дрожа в своем пальтишке мокром,
Как нелюбимая сноха
Перед куражащимся свекром?
Зачем в реке вода гудит
И облака идут толчками,
И в омут ивушка глядит
Расширившимися зрачками?
О чем вороны в январе
Горланят горлом пересохшим.
А вьюга воет на дворе
Как бабы воют по усопшем?
Деревья — свой, особый класс,
Но в час глухой и непогожий
Они напоминают нас:
Все в горе, видимо, похожи.

* * *

На душе такая тишина —
Даже слышно, как ржавеют крыши,
Как трава настуженная дышит
И звенит над ухом седина.

Так сегодня тихо на душе —
Просто невозможно, коль без позы,
От глухой дворняги скрыть уже,
Как под сердцем закипают слезы.

Золотые листья на окне —
Комнату пустую украшают,
Не идут товарищи ко мне,
Не шумят, не спорят, не мешают.

Тихо от холодного окна
Отхожу в молчаньи брови хмуря.
На душе такая тишина,
Что слышать, как вызревает
Буря.

* * *

Уеду я от всяких сплетен
В село на синем берегу,
Как из бетонного столетья
В сосновое перебегу.
Забуду все.
Приду с охоты
И вдруг замечу в тишине:
Как ходко ходики-то ходят
На свежеструганной стене.
В потемках дождик еле слышно
Проверит хрупкий голосок,
Как будто зернышки на крышу
Просыплет спелый колосок.
А днем сороки да трещотки
Меня заманят на межу,
Где пламенеющие щеки
Я о ромашки остужу.
И сердце выстучит неровно
Земле:

 мол, выдохлось слегка,
Она подумает и словно
Во мне припомнит мужика.
И мне —

 чтоб вновь окрепли жилы
Для битв во имя лучших дней —
Земля не пожалеет силы,
Как для нее и я — своей.

* * *

Четкой ломаной по горизонту
Проступали древние леса,
Словно кардиограф записал
Сердца безупречную работу.
Повернувшись в сторону заката,
После ежедневного труда
Я спокойно и почти что свято
Засыпал действительно тогда.
А сегодня, вечером косматым,
Глянул я — и обмерла душа:
Лес мой, как хронический астматик,
В небо с перебоями дышал.
Над чертой багровою все чаще,
Не минуя самый звонкий мыс,
Ломаная линия кричаще
То взмывала,
То летела вниз...
Лес мой, подпиравший эти выси,
Колыбель моя и божество,
От здоровья твоего зависит
Вся работа сердца моего.
Сны мои теперь надолго смяты.
Снова слышу, лишь сомкну глаза:
Будто госпитальные палаты,
Стонут древнерусские леса.

* * *

До чего поганая погода,
Словно повелитель черных сил
Все, что нужно сделать за полгода,
За неделю выполнить решил.

Небо оседает, дождик брызжет.
Обнаружив редкостную прыть,
Флюгер, бедный, мечется на крыше:
Как — не знает — ветру угодить.

И ломает голову над мыслью
Тополь, став угрюмей и темней:
То ли выпускать на волю листья,
То ли подождать до лучших дней.

Слишком был декабрь его неистов,
Чтоб апрельских бурь не пережить,
Под топор разбойничьего свиста
Лучшие надежды положить.

И, не смея бросить гордый вызов,
Видимо, по-своему правы,
Даже воробьи из-под карнизов
Не высовывают головы.

И синица, с самого начала
Певшая излюбленную ветвь,

Все, что в этот месяц замолчала,
Обещает в следующем спеть.

Только Человек приучен сроду
Дело делать, а не обещать.
Некогда на всякую погоду
Лишнее вниманье обращать.

* * *

В глухую пору зимних смут,
Знобящих отчий край,
Благодарю за твой приют,
За твой сосновый рай.
Лечась настоями хвои
Да молоком густым,
Глядясь в лучистые твои,
Я чуть не стал святым.
Но, в райской выкупав красе,
Ты — знать, причина есть —
Не захотела насовсем
Меня оставить здесь.
Не захотела в синеву
Одеть ночей моих.
А мир, в котором я живу, —
Тот мир не для святых.

Копящееся день за днем.
Что каждый нерв в мужицком теле
Порой топорщит, как сучок,
Что в русской кровушке издревле
В обнимку с силою течет.
Терпенье, что тяжеле камня,
Острее сапожного ножа,
Которое молчит покамест,
Собой до срока дорожа,
Чтоб вызреть,
Выходить,
Налиться,
Заполнить погреба сердец,
До нестерпенья накалиться
И —
Разразиться
Наконец.

Неяркой, уже затихающей жизнью
Дышу, словно каюсь, что раньше — увы! —
Тщеславно и шумно любил я Отчизну
Высокого неба
И пышной листвы.
Легко уходил к колосющимся нивам,
Легко возвращался с цветами в горсти.
От века любовь к молодым да счастливым
Милей выражать
И удобней нести.
А нынче хожу, точно гость запоздалый,
По рощам, лугам и кустам ивняка,
Где вроде вчера проливали бокалы,
Сорили червонцы и рвали шелка.
Смотрю: над землею, пустой и неровной,
Пронесются мятые листья, шурша,
И гнется рябина и ежится, словно
Дрожит и тоскует родная душа.
И я возвращаюсь, уже замечая
В себе наконец осознанье того,
Что только понявший Отчизну в печали,
Сумеет понять и ее торжество.

* * *

Сентябрь уже не за горами,
А мы еще не загорали.
Не накупались в подобрешей
Насквозь просвеченной воде,
Не набродились этой грешной
Землей в хлебах и лебеде.
Не наносились от колодца
Янтарных солнышек в ведре
(А запасенный лучик солнца
Как бы сгодился в декабре).
Не напасли и половины
За лето веников и дров.
И не наварено малины,
И не насушено грибов,
Не утеплен еще телятник.
А эту зиму увенчал
Такой внушительный декадник —
Углы трещали по ночам.
И вновь посыплет скоро крупка:
Тепло у здешних берегов —
Всего лишь малая уступка
Господствующим холодов.
В такие дни у полпланеты
Совсем другое на уме,
А нам затем дается лето,
Чтоб приготовиться
К зиме.

ВАСИЛЕК

Словно пожелав — капризной милой —
Угодить науке полевой,
Василек

ученые светила
Обозвали сорною травой.
Но, светясь и радуясь рассветам,
Сколько он у баб и мужиков
За одно коротенькое лето
Выполол из сердца сорняков.
Сколько он за век, что так недолог,
Детских головенок увенчал,
Закружил девических головок
И голов разумных раскачал.
Даже перед смертью беззаботен,
Он в страду уборочной не раз
Полевой обыденной работе
Ощущенье праздника придаст.
А не будь его —

представьте сами, —
Через радость шествуя и грусть,
Изо ржи
Какими бы глазами
На детей своих
Смотрела Русь.

* * *

Ничего не понимаю,
Откровенно говоря.
Потянуло будто маем
В середине октября.

Вновь, легко касаясь выси
И светясь издалика,
Удивительные мысли
Ходят, словно облака,

Будоражат кровь и тело.
Для таких в любой сезон
Никакого нет предела,
Никаких запретных зон.

Снова в завтра смотрит смело
И, резвясь, поет народ:
«Ничего, что солнце село,
Утром новое взойдет»

Мы забываем слишком скоро
Про тетку дальнюю свою.
Лишь хвастаем друзьям ученым,
Как часто

на лесе тугой
Горбатый окунь
обреченно

Взлетал над черною водой.
Но точит нас какой-то вирус,
Преследует нас, хоть убей,
Неодолимо стойкий привкус
Неуважения к себе.

* * *

Худо сплю и замечаю,
Как во сне труба сопит
Да ненастными ночами
Мебель старая кряхтит.
Худо сплю и часто слышу,
Как вдали шумит река,
И, шурша, за нашу крышу
Задевают облака.
Тени бродят перелеском,
А за тучкой чуть видна,
Как за ветхой занавеской,
Ворожит в ночи луна.
Худо сплю, горю от жажды,
Словно к старости боюсь,
Что, легко заснув однажды,
Больше вовсе не проснусь.
И Земля,
Припомнив бремя
Прежних бурь и прежних битв,
В это тягостное время
Только кажется, что спит.

BEXA

* * *

Жил я, словно в теремах,
В общежитьях тесных.
Ощущал нужду в рублях,
Но зато не в песнях.
Я науку молотил,
Не бывал усталым.
Опрокидывал светил
С грозных пьедесталов.
О моей печась судьбе,
Мне вещали веще:
«Ох, и ввалит же тебе
Армия затрещин».
Только я не унывал,
Мял судьбу, как глину.
Если что и понимал,
То — наполовину.
А когда пришел черед,
Сел да и поехал.

Думал, будет эпизод,
Получилось —
Веха,

ОКРАИНА

Мы полярники.

Жители диких окраин,
Где каменья ворочал ледник.
Мы такими вещами лазурь подпираем,
От которых трясет материк.
Ловит мир, замерев, эхо нашего пульса
Из ночей, где — у сопок в плену —
Наш центральный проспект по снегам
размахнулся

На четыреста метров в длину.
Там живем, где короче пословицы лето
И нескладней юнцов деревца,
И рассвет, за который зимой сигарету
Не успеть искурить до конца.
Мы, солдаты окраин,
отшельники вроде,
В стороне от пиров и молвы.
От столицы к нам сутками новости ходят,
Но в секунды — от нас до Москвы.

* * *

С утра сегодня праздник у меня.
Расслышал я задолго до зарядки:
В кармане наступающего дня
Хрустит конверт с каракульками бабки.
Она опять, горюя, начала
С того, что не везет моей фамилии.
«Мы только что сейчас из-за стола.
А хоть тебя-то нынче покормили?
А ты служи.
Не залезай в долги,
Не пей вина,
О девках не печалься,
Не своеволь, а слушайся начальства.
И пуще глаза ноги береги».
И я смотрю, душой по-детски свят:
Минуя расстояния большие,
Плывут воспоминанья, как асфальт
Навстречу разогнавшейся машине.
Мне надо только веточкой взмахнуть —
И, покорясь причудам и забавам,
К знакомому крыльцу откроет путь
Над переездом поднятый шлагбаум.
Старушка бросит в угол кочергу,
Ко мне навстречу выбежит без шали.
Морщинок —

как на мартовском снегу
Сороки под окошком натоптали.

Мы в дом войдем, от радости слепы,
И за столом раздвинутым у бабки,
Припомнив гарнизонные супы,
Я с наслажденьем попрошу добавки.
А после буду слушать допоздна,
Под стеганым свернувшись одеялом,
Как сваталась и пела старина,
Как плакала она и причитала.
Но бабку перебьет старшинский бас,
Меня, полужаснувшего, разбудит,
Команду сухо выкрикнет — и враз
Исчезнет праздник,
И вернутся будни.

ДЕВУШКАМ В АРМЕЙСКИХ САПОГАХ

Уж каких острот не разряжал вам
В спину обывательский галдеж:
«С этими вояками, пожалуй,
Всю казну на платье изведешь».
Только безразличием, как плеткой,
Обжигая вышедших в запас,
Уходил решительной походкой
Батальон непокоренных глаз.
Тех, что ценность жизни измеряли
Не ценой накопленных вещей.
Золушки армейских канцелярий,
Добрые волшебницы борщей.
Ваши думы были не коротки,
Чтоб признаться — как себе ни лги —
Что не так-то просто лакировки
Взять и променять на сапоги.
Бросить галереи, чтоб годами
Созерцать пейзажи, где одни
Сопки одичавшими стадами
Сходятся в потемках на огни.
Но, подшив солдатские погоны,
Гордо отвергая тишину,
Вы вставали в строгие колонны
Вместо неродившихся в войну.
И вопрос, что дедами завещан,
Вырастал над бездной мелочей:
Разве от хорошей жизни женщин
Посвящают в музыку мечей?

* * *

Как бы собравшись вдруг в иные страны —
В привольное гражданское житье —
С полочки покупают чемоданы
Ребята, отслужившие свое.
Ни прудик, зеленеющий от тины,
Ни с тайными лазейками плетень
И под железным оком дисциплины
Они не забывали ни на день,
И поняли, томясь в глухих болотах.
За месяцы недоспанных ночей,
Что служба — это, собственно, работа,
Но впятеро обычной тяжелей.
В краю, где хвоя, кажется, поблекла,
Где с осени до первого грача
Морозом оцинкованные окна
В казарму не впускают ни луча.
Теперь парням деревни снятся раем,
Где в славе процветают млад и стар
И перед встречей скорой проверяет
Голосовые связки самовар...
Ни в чем, ни в чем защитников народа
Не упрекнет родная сторона.
Три самых честных, самых светлых года
Они Отчизне отдали сполна.

* * *

Еще притихшим и помятым,
Впервые выстроеным в ряд,
Нам говорили: «Вы — солдаты».
Так новобранцам говорят.
«Вы — будет надо — боль и жалость
Должны забыть в горниле дня».
А мне по-прежнему казалось,
Что это все не про меня.
С тех пор, чураясь мысли мелкой,
Присягу помня назубок,
Я истребал до дыр шинелку
И пыль собрал со ста дорог.
От шуток собственных в восторге,
Теперь не вставит бодрячок,
Что предпочел я гимнастерке
Миролюбивый пиджачок.
Я в грудь себя не бил без толку,
Но, обнаруживая пыл,
По курсу совести и долга
Пока Отечеству платил.
И после той защитной робы
Едва ли я всерьез грешу,
Что с наслаждением особым
Рубашки штатские ношу.
Но вспомянет эфир про битвы
И скрип походного ремня —
Как полоснет по сердцу бритвой:

Ведь в песне что-то про меня.
На зов трубы, что стала вехой,
Воспоминанья полетят
И отзовется, словно эхо,
Во мне неумерший солдат.
А позовет язык набата
Спасать Россию от огня —
На битву встанут все солдаты.
...И это тоже про меня.

ДОВЕРИЕ

* * *

Ах, скорый поезд, скорый поезд,
Возьми меня под сизый дым,
Чтоб я, смеясь и беспокоясь,
Летел по рельсам голубым.
Чтоб сноза стали речи вещими
И вдохновенным домино,
Обворожительными женщины
И охмеляющим вино.
Сквозь бесприютные деревья,
Перевалив через рубеж,
Минуя станции неверья,
Домчи до станции надежд.
Пусть радость зорюшкой нежаркой
В знакомом теплится окне,
Иль волоокой вологжанкой
Навстречу выбежит ко мне.
И будут тосты, будут тосты
Под музыкальное стекло,
И ни усмешек, ни притворства,
А только легкость и тепло.
...Но мой билет на это счастье
В Сибири, может, в дождь и зной
Пока не пиленной на части
Гудит высокою сосной.

* * *

Не помню старого зачина,
Но помню добрую идею.
Горела белая лучина,
Чесали девушки куделю.
А в светлом тереме высоком
Царевна тихо горевала
И очи к небу поднимала:
Уж не летит ли ясный сокол.
А сокол с коршунами бился
Над Русью, усланной морошкой,
И трижды — раненый — садился
На золоченое окошко.
Царевна таяла в осинку,
Но возвращала крыльям силу,
Ласкала с горечью и болью,
Но отпускала вновь на волю.
Я жил по этой сказке древней,
Бросался в мир на звон батальный.
А светлая моя царевна
Снимала терем коммунальный.
Не трижды тяжкими кругами,
А тридцать раз, как лист на стежку,
Я с перебитыми крылами
Срывался к милому окошку.
И вот когда помочь осталось
Разок последний бескорыстно —
Ее терпенье оборвалось,

А, может, снадобье прокисло.
Теперь царевна с теткой Марьей
Торгует пивом на вокзале.
А раны стираюю марлей
Соседи мне перевязали.
Привечен ими и обласкан,
Я в благодарность не случайно
Их детям сказываю сказки,
Одной и той же заключаю.
Пусть поживут за синим лесом
В том мире, где ручьи целебны,
Где только добрые принцессы
И только верные царевны.

* * *

Нет, песня главная не спета.
Благодарю глаза твои,
Вернувшие меня для света,
Для ревности и для любви.
Навстречу боли неминучей
Иду — и знаю наперед:
Как свел с тобой счастливый случай,
Так несчастливый разведет.
Поэтому в тиши рассветной,
Когда туманны даль и высь,
Признаться в нежности ответной
Поторопись, поторопись...
И я, страдая и ликуя,
Любой незначащий пустяк,
Произнесенный просто так,
Как высший символ истолкую.
Пусть ты потом другому все ж
С какой-то смутною виною,
Что было связано со мною
Затмением легким назовешь.
Пускай целуясь у ступенек
С тобою на исходе дня,
Наивно думает соперник,
Что он счастливее меня.

* * *

Природной зоркостью не славясь,
Заметил поздно я опять,
Какой великой силой
Слабость
В руках у женщин может стать.
Разлюбленные
Не речами,
Не гневной сдержанностью глаз,
А задрожавшими плечами
Обезоруживают нас.

И напоследок хлопнуть дверью
Кому-то вновь не хватит сил.
В любовь из жалости
Не веря,
Я одного всегда просил:
Коль все остынет между нами,
Останься, гордая, светла
И не привязывай
Слезами,
Что красотою
Не смогла.

ОЛЕНЬКА

Словно спела горлинка,
Словно встала зоренька,
Словно веткой голенькой
Вздригнула весна.
Это, ахнув тоненько,
Обернулась Оленька,
Будто колоколенка
Белая, стройна.

Обернулась Олюшка,
Золотое солнышко,
Золотое солнышко,
Боль моя и грусть.
Стоит только встретиться
С ней, моей ровесницей,
Вроде, ясным месяцем,
Сам я становлюсь.

Вспоминали ладушки,
Ели суп у бабушки
И пекли оладушки
На большом огне.
И сидела Оленька
За тесовым столиком.
И просилась в горенку
Звездочка в окне.

Намекая я вежливо,
Что один по-прежнему:
Некому для грешного
Протопить избу.
Но другого Оленька
Помнила соколика,
Что ушел с топориком
Попытать судьбу.

Снова от поношенных
Ситцевых горошинок,
Молча, одинешенек,
Уходил я прочь.
И все та же девушка,
Проводив до бережка,
Не могла соседушке
Чем-нибудь помочь

ПРОЩАЛЬНАЯ

Такую женщину, глупец, —
Как ни одну пока из женщин, —
Извел и вымотал вконец,
И сам измучился не меньше.

Остынув,
Разумом пойму,
Что все наветы — небылица.
Но, видно, сердцу и уму
Вовеки не договориться.

Светло умевшая нести
Мои печали и терзанья,
Позволь хотя бы на прощанье
Сказать тебе свое «прости».

Теперь
Тебе в другом доме
Светиться и не видеть свету.
А мне завидовать тому,
С кем ты разделишь долю эту.

А мне палить свое житье
И, ладя сумрачно с другою,
При каждом промахе ее
Невольно сравнивать с тобою.

* * *

Надеюсь. Все еще надеюсь,
Хотя со страхом признаю,
Что жить, одной надеждой греясь,
И я заметно устаю.
Но верю: вынесут дороги
К той, что живет — себе судья —
До несущественной в итоге,
Последней родинки — моя.
Слывя гордячкой и дикаркой,
Нося дешевые плащи,
Она двусмысленных подарков
Не принимает от мужчин.
Блюдя свои законы строго,
Не копит, добрая, обид,
Но с возрастающей тревогой
Под вечер в зеркало глядит.
Еще давно ль светились плечи,
Еще давно ль казалось ей,
Что жить, чем дальше, будет легче,
А получилось, что трудней.
И ей нужнее втрое стало,
Чтоб я, пройдя все рубежи,
Большую голову устало
Ей на колени положил.
И неужель — себе же недруг —
Я сам, обоим на беду,
Каких-нибудь последних метров
До нашей встречи не дойду?..

* * *

Все было так понятно в мире,
Нам было так легко двоим.
Но вот сидим одни в квартире
И ни о чем не говорим.
Боимся встретиться глазами,
Хотя давно утихла злость.
Молчим,
Хотя забыли сами,
С чего молчанье началось.
А мимо нас в рубахе пестрой
Проходит ветер налегке,
И мимо проплывают звезды
По остывающей реке.
И никогда не возвратится
Тот заплутавший мотылек,
Что проскользнул по нашим лицам
И чуть улыбку не зажег.
Я знаю: время нас утешит,
Уже недолго домолчать.
Один вздохнет, другой поддержит,
И все уладится опять.
Но все ж печально видеть, мне, как
Тысячелетия подряд
Сидят два взрослых человека —
И ни о чем не говорят.

* * *

И не сможешь никаким законом тут,
Коль больше нет любви в больших стенах,
Коль выстудили мы ее, как комнату,
Где дверь была для всех отворена.

И поздно раздувать дрова шипучие.
Не надо лгать себе сейчас и впредь:
Теперь у очага мы в лучшем случае
Сумеем только руки отогреть.

* * *

Жить без любви, как в стужу без огня.
Бодрюсь, а ощущение такое
Как будто жизнь
И в праздники меня
Поит, поит — но пресною водою.

Душа от жажды высохла до дна.
Невозмогу такое наказание.
Глоток. Хотя б один глоток вина,
И можно годы жить — воспоминаньем.

* * *

Есть в нашей дружбе что-то от мужской,
Быть может, это скупость в объяснениях.
А может, ненавязчивость, с какой
Я прихожу к тебе по воскресеньям.
О пустяках болтая без затей,
Мы тянем чай, пофыркивая, с блюда.
Нам в нежности признаться тяжелей,
Чем грубоватой шуткой отмахнуться.
Но если, сиясь бодрость сохранить,
Устанешь от тоски невыносимой,
Чтобы тебя ничем не уязвить,
Не покрасуюсь мужескою силой.
Да и тебе, деля на равных путь,
Где от натуги стонет поясница,
О слабостях девичьих помянуть —
Как будто этим равенства лишиться.
Повздорив, мы неделями опять
Не ищем встреч. Ершимся: и не нужно.
Упрямо не желая понимать,
Во что перерастает наша дружба.

ШУТКА

Не знавали парни горя,
Все бывало нипочем:
Независимость во взоре,
Пиджачок через плечо.
Выходило на окрошку,
Получалось на ситро.
Шелестели важно трешки,
И звучало серебро.
Но году на двадцать пятом
(Видно, корм не по коню)
Разонравилось ребятам
Холостяцкое меню.
Ныне пьют чай с вареньем,
Кротко глядя на жену,
И в глазах несут смиренье,
А в карманах —
тишину.

* * *

Ах, какие женщины бывают —
Боязно в глаза им заглянуть.
Как упруго платье облегаёт
Молодо приподнятую грудь.
Встретится такая ненароком —
И от острой грусти нет житья.
И вздохнется горько и глубоко:
«Вот и хороша,
Да не моя»
Ну, да что поделаешь. Не всем же
Прямо в руки красоту подать.
О ее вершинах белоснежных
Надо же кому-то
И вздыхать.
Ты и не копи обид, не стоит.
Лучше вспомни изредка о том,
Что иные скромницы с тоскою
И тебе вослед глядят тайком.
Повторяют, словно бы в ударе,
Боль в душе улыбкой заслоня:
«Ох, и парень.
Настоящий парень.
Добрый парень,
Да не про меня».

* * *

А ребята думают о женах,
Чаще говорят о них всерьез
И боятся битых да прожженных,
Слабых до вина и папирос.
Вдумчиво, придирчиво и строго
Снова смотрят в девичьи глаза:
Слишком некороткая дорога,
Чтоб собраться вдруг,
За полчаса.
И себя еще проверить надо,
И, конечно, веру обрести,
Что голубоглазая отрада
Не предаст тебя на полпути.
А еще от жен хотели б парни,
Чтоб была в них скромность,
Чистота,
Да не облетала после бани,
Словно штукатурка, красота.
Все ребята взвешают не однажды,
Потому что — как тут не толкуй —
Жизнь не пляски с музыкой,
И каждый всяко наживется на веку.
И ребята, раздувая споры,
Говорят о женах не впервой.
И кого-то скоро,
Очень скоро
Привезут с букетами домой.

* * *

Пока звезда не закатилась,
Что озарила наши дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.
Чтоб, золотые от рожденья,
Улыбкой неба и земли
Над полосую отчужденья
Цветы согласия взошли.
Не закружу распевом бойким,
Швыряя под ноги рубли,
Что унесу тебя на тройке,
На тройке счастья и любви:
Но, зная преданности цену,
Судьбу рассветную твою
И в ситец радости одену
И хмелем нежности увью.
Признаю все, что делал плохо,
Свои поступки осужу
И до раскаянного вздоха
Гармонь лихую осажу.
Но только, чтобы вновь светилась
Звезда, как в памятные дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.

* * *

По утопанной тропиночке
В светлый домик меж осин
Я иду, как по тесиночке,
Что над пропастью висит.

А тесиночка качается.
Много ль дел для дорогой:
И всего-то лишь... нечаянно
Стукнуть в краешек ногой.

ТЫ

Замри и почувствуй:
Ночами звончей
В крови твоей буйство
Горячих ключей.

И звездная бездна
Распахнута нам,
Над крышами тесно
Зеленым ветрам.

И тянет с окошка
Рвануться в полет,
Звезду вместо брошки
На грудь приколоть.

Мне по сердцу, право,
Огни твоих глаз,
Порывистость нрава,
Отточенность фраз.

Под этим я взглядом
Не раз воскресал:
Ведь с сильными рядом
Сильнее и сам.

Ты мне не прощаешь
Ни лени, ни лжи,

Чтоб этим большая
Не путалась жизнь.

Мне трудно с тобою,
Я маюсь, любя.
Но только такую
Люблю я тебя.

* * *

Тихо расстаемся у вокзала,
Напряженные до немоты.
Не пугает то, что ты сказала.
Страшно то, что затаила ты.
У тебя, как у реки вечерней,
Тоже непонятности свои:
Подогрето верхнее течение,
Холодны глубинные слои.
Я молчу в тяжелом ожиданьи,
От предчувствий горьких трепеща.
Ты сказала тихо: «До свиданья»,
А уже слышалось: «Прощай».

* * *

Уйду за тихое село,
За беспризорные овины.
Равнину снегом замело,
Но я смотрю поверх равнины.
Через прошедшие года,
Не признавая расстояний,
Горит высокая звезда
На волоске воспоминаний.
Горит над стареньким крыльцом,
Над осыпающимся летом.
Освещено твое лицо
Ее далеким слабым светом.
...Та полночь юности — вдали.
На смену ей
В жару и силе
И ночи новые пришли,
И звезды *новые* всходили.
Они с безоблачных небес,
Светясь, поглядывают снова
И прежний будят интерес,
Хотя без трепета былого...

* * *

Лишь ярмарка закатная поблекла —
И камни почернели у реки,
И звезды в незатворенные окна
Влетают, как ночные мотыльки.
Едва приковылявшие с охоты,
Приличья променяв на словоблуд,
Все выдумки, райки и анекдоты
На четвереньки со смеху встают.
А надо всей тщетою и фиглярством
Звезда забвенья стынет вдалеке,
И вечное дыхание пространства
Пушок приподнимает на щеке.
И ты—на грани чуда иль пророчества—
Один, забытый временем, стоишь,
Боясь нарушить это одиночество,
Когда ты с целым миром говоришь.

* * *

Живу на широкую ногу,
Не ведаю мелких забот,
Беру, отправляясь в дорогу,
Запас подсоленных острот.
Сквозь бури, огни и туманы
Лечу, ясноглаз и кудряв,
Гудящие меридианы,
Как вожжи, в кулак замотав.
Российским березам и соснам
С рождения свой человек —
Листаю метели и весны,
Читаю капли и снег.
И с чувством полнейшей свободы,
От радости тайной горя,
За щедрым застольем природы
Вкушаю дары сентября.
За грозы и тихие зори,
За ельник, припавший к ручью,
Слезами то счастья, то горя
По твердому курсу плачу.
От стужи не прячусь в берлогу,
Под ветром не гну головы.
Живу на широкую ногу.
Неужто не так же и вы?

* * *

С краской на щеках от возбужденья
Мальчики строительных бригад
И послевоенного рожденья
О красивой смерти говорят,
Святят им, как факелы во мраке,
И зовут в растворенную высь
Те сердца, что в лобовой атаке
От любви к земле
Разорвались.
Мальчики как будто видят лики
Тех людей и, отступив назад,
Взросло на трагедиях великих
Гордый останавливают взгляд.
И опять в святом служеньи Музам
Обретает силу образца
Рухнувший под занавес Карузо,
Дотянувший ноту до конца.
Мирный день шагает по столетию,
А ребята, сторонясь зануд,
Восхищаются красивой смертью...
Эти жизнь
Красиво проживут.

* * *

Бегу за новым поколеньем,
Не отступаю с колеи,
Хотя давно скрипят колени —
Амортизаторы мои.
Опять спешу в пальто раскрытом
К студенческому шалашу.
Хоть нос, как сапоги со скрипом,
С весны до осени ношу.
Тяжел осилить новый танец,
Не признаюсь: мол, швах дела.
И вызывающе красавиц
Обозреваю из угла.
Спасибо богу, что усердно
Меня макал в другой рассол,
А то бы женщин я, наверно,
Великодушием извел.
Пусть в жилах бродит по привычке
Хмель молодого ветерка,
Пусть собирать свои вещички
Он не торопится пока.
Я пил вино и бил посуду,
И с обещаньями, что впредь
Я делать этого не буду,
Мне, видно, лучше потерпеть.
А вот понять уже бы время,
Что, может быть, важней всего
Не догонять иное племя,
А не отстать от своего.

* * *

Мне август удружил на этот раз..
Смешав часы и перепутав числа,
За шиворот осинки ветер тряс,
И небо, треснув в матице, провисло.
Река сорвалась с цепи и неспа
Покинутый челнок по середине.
В грязи машины ныли у села,
Запутавшись, как мухи в паутине.
Ни огонька, ни крыши, ни трубы.
Лишь в траурное полночью одеты,
Затягивали дальние столбы
Отходную веселости и лету.
Да у дороги мокрые кусты,
Запахиваясь в драные шинели,
Выныривали вдруг из темноты
И сбоку угрожающе шумели.
Мне непогода вовсе не во вред,
И родина всегда была отрадой.
Но грязь и холод — это ль не привет,
Когда ты ждешь тепла и звездопада.

ВЕЧНЫЙ КОСТЕР

Костер, в котором мы горим,
Гори, не гасни.
Под небом грозным и рябым
Ты — вечный праздник.
Как на смертельном вираже,
Заходит сердце:
Ведь мы с рождения уже
Самосожженцы.
И в нашей собственной крови,
И в нашей доле
Костер тревоги и любви,
Борьбы и боли.
Он жжет и мучит каждый час,
Не зная сроков.
Но скрыты от сторонних глаз
Следы ожогов.
Чтоб оттянуть глухую ночь
И чтоб не гасло,
Мы в тот огонь подлить не прочь
И сами масла.
И жаль нам тех, кто даже дым
Втянуть боится.
А о сгоревших говорим,
Как о счастливыхцах.

* * *

Ничего не требуя от бога,
Уважая землю и траву,
Со своей заботой и тревогой
Под созвездьем Радости живу.
Правда, без хлопот и песен женских
Уставая киснуть и чернеть,
Все топорщат крылья занавески
И грозятся с окон улететь.
Только знаю: поздно или рано,
Наскучавшись в призрачном раю,
Убежит красавица с экрана
В комнатенку бедную мою.
И запахнет утро чистым снегом,
Зайчиком запляшет на стене.
И пожить любимым человеком,
Может, посчастливится и мне.
А распорядится по-другому
Подлая судьбина на беду —
Все равно к ночному водоему
С кирпичом на шее не пойду.
Укрепляя нервы не на треках,
Сквозь огни и грозы, напрямиком,
Мы ходить по жестким травам века
Выучены с детства босиком.
И в любую стужу и ненастье
Так же дни и ночи напролет
Мы искать до смерти будем счастье.
А несчастье нас само найдет.

* * *

Мне разглагольствованья рьяные
Про относительность разрух —
Как щеки с жирными румянами
У молодящихся старух.
И так на молодость напраслины
Не возведу, судьбу коря.
Дышал же я утрами красными
Морозной пылью января.
Вдыхал же завалившись в розвальни,
Ноздрями встречные стога,
А под летящими полозьями
Свистели русские снега.
И легким сиверком овеванный,
Волнуя сердце ямщику,
Гнедой в порыве вдохновения
Копытом бил по передку,
А после в чайной ли случайной ли,
Или в буфетишке каком
Глаза с веселою отчаинкой
Туманились над кипятком.
Я им навстречу шел без памяти,
Бросая молнии вперед,
Но вот кольцо с росинкой впаянной
Вставало, как громоотвод...
Ты живо в сердце, время лунности
И припорошенных раки,
Хотя бубенчик ранней юности,

Как в дальней комнате, звенит.
Пусть будет боль, и скорбь, и жалость,
Дорога буднично горька,
Но лишь бы в праздник возвращалось
Желанье выдать трепака.
Чтоб улыбнулись мне красавицы,
Как скрипке, льющей светлый мед,
Которая чем больше старится,
Тем удивительней поет.
И чтоб немало передумавший,
Как будто проживший века,
Я сам себя почуял юношей,
Надевшим маску старика.

* * *

Моя звезда пока что теплится,
Не потухает на ветру.
Без фонаря Большой Медведицы
Я с ней дорогу разберу.
С ней для меня звенят осинами
И пахнут смолами леса,
А в теплой дали моря синего,
Как сахар, тают паруса.
Пока она горит над выселком,
Переливаясь и маня,
Я из булыжин мертвых высеку
Живое крылышко огня.
Так поддержишь еще нэмножечко,
Не покидай меня в пути,
Ты посвети, как можешь, звездочка,
Хоть в полнакала посвети.
Друзьям я вставляю между рамами
Зимой по вешнему лучу.
И научусь шептаться с травами
И брата, может, научу.
А коль мечты уйдут вразвалочку,
Я сам, напрасно не скорбя,
Как спать мешающую лампочку,
Спокойно выключу тебя.

* * *

Василию Белову

Нехорошо, ребята, вышло.
Двумя фужерами всего
В такой сезон
Сломали дышло
У тарантаса моего.
Вы ж знали — я не из матросов:
Плесни на каменку чуток —
И я на пять часов философ,
А на неделю не ездок.
Пегаско стал тянуть поплоче,
За лето выбился из сил.
Уж я в подмогу нынче лошадь
У председателя просил.
Хотелось мне бы понемножку,
Не упуская теплых дней,
По-старомодному
Картошку
До снегу вывезти с полей.
Да и возок груздей к зиме бы
Ввести не лишне в обиход.
А уж кефиру-то да хлеба
Куплю на авторский доход.
Потом не грех страду припомнить

И стопку —
Господи прости —
Пусть не до рубчика наполнить,
А мимо рта не пронести.
Но вам о деле думать скучно.
И, у чужих топчась корыт,
Коняга верный мой в конюшне
Опять некормленным стоит.
А над дорогой, как и прежде,
Разворошив тоску в груди,
Звезда сомнений и надежды
Звенит и блещет впереди.

* * *

Выходят сверстники в литературу,
Выходят убежденны и смелы,
Отвергнув конъюнктуру и халтуру,
Они садятся строго за столы.
Предчувствия тревожные их треплют,
Бессоницы изматывают их.
И повергает в восхищенный трепет
Хмельная дерзость замыслов своих.
Они — непоступавшиеся правдой
И юной неделимостью сильны —
Глядят на мир не только с той,
Парадной,
Отглаженной до лоска стороны.
Фортуной избалованные мало,
Они катают грозно желваки,
Когда им возвращают из журналов
Разруганные в пух и прах стихи.
И повторяют с горькою заботой,
В сражениях беря за пядью пядь:
«Удел одних — кричать и не работать,
Удел других — работать и молчать»
Они еще придут в широко поле
И повоюют за свои права.
И словно зубы мудрости — до боли —
Большие прорезаются слова.
И запершись по комнатам ночами,

Над временем вершат ребята суд
И что-то вновь отважно обличают,
И вновь за что-то храбро встают.
От них не так-то просто отвертеться,
И на блестящих титульных листах
Без круговых обходов и протекций
Они еще займут свои места.
И, чуя диалектики законы,
Махнув крылом напутственной строки,
На труд благословят их
и спокойно
За мемуары сядут старики.

* * *

О чем стихи? О том, что ветер
Стих у реки, а от звезды
Идут лучи, и пахнут сети
Глубинной свежестью воды.
Что светом ясным и здоровым
Горит глазок у василька,
И, словно дойные коровы,
Идут над лугом облака.
Стихи о том, что рвутся почки,
И что, проклюнувшись едва,
Сквозь все мостки и все мосточки
Полезла первая трава.
О чем, в такое-то столетье?
Да все о том, чем счастлив век,
И без чего на белом свете
Не мыслит жизни
Человек.

СОДЕРЖАНИЕ

Родство

Липовица. Лирическая поэма	5
«Потому ли, что снова в деревне...»	11
«Проявляя о старших заботу...» . . .	13
У родных изб ,	15
Надежда ,	17
Клуб ,	19
Чайная ,	21
После бани	23
«Сидели бабы на скамейках...» . . .	25
«О чем печалится природа...» . . .	27
«На душе такая тишина...»	28
«Уеду я от всяких сплетен...» . . .	29
«Четкой ломаной по горизонту...» . .	30
«До чего поганая погода...»	31
«В глухую пору зимних смут...» . . .	33
Терпенье ,	34
«Неяркой, уже затихающей жизнью...»	36
«Сентябрь уже не за горами...» . . .	37
Василек	38
«Ничего не понимаю...»	39
«На зависть занятым соседям...» . .	40
«Худо сплю и замечаю...»	42

Вежа

«Жил я словно в теремах...» . . .	45
Окраина	46
«С утра сегодня праздник у меня...»	47
Девушкам в армейских сапогах . . .	49
«Как бы собравшись вдруг в иные страны...»	50
«Еще притихшим и помятым...» . . .	51

Доверие

«Ах, скорый поезд, скорый поезд...»	55
«Не помню старого зачина...» . . .	56
«Нет, песня главная не спета...» . .	58
«Природной зоркостью не славясь...»	59
Оленька	60
Прощальная	62
«Надеюсь. Все еще надеюсь...» . . .	63
«Все было так понятно в мире...» . .	64
«И не поможешь никаким законом тут...»	65
«Жить без любви, как в стужу без огня...»	66
«Есть в нашей дружбе что-то от мужской...»	67

Шутка	68
«Ах, какие женщины бывают — ...»	69
«А ребята думают о женах...»	70
«Пока звезда не закатилась...»	71
«По утопанной тропиночке...»	72
Ты	73
«Тихо расстаемся у вокзала...»	75
«Уйду за тихое село...»	76
«Лишь ярмарка закатная поблек- ла...»	77
«Живу на широкую ногу...»	78
«С краской на щеках от возбуж- дения...»	79
«Бегу за новым поколеньем...»	80
«Мне август удружил на этот раз...»	81
Вечный костер	82
«Ничего не требуя от бога...»	83
«Мне разглагольствованья рьяные...»	84
«Моя звезда пока что теплится...»	86
«Нехорошо, ребята, вышло...»	87
«Выходят сверстники в литературу...»	89
«О чем стихи? О том, что ветер...»	91
«Природа пробуждается от сна...»	92

